
К столетию первого очерка Теории Дарвина

1842—1942 (20.VI.42)

Александр Федорович Котс

Кому не приходилось видеть удаляющихся гроз?

Гроза прошла. Дождь миновал. Затихли отдаленные раскаты грома.

Только из-за края туч нет-нет да вспыхнут редкие и запоздалые «немые молнии».

Но вот, что замечательно! Только теперь, лишь освещенные со стороны, издалека, эти громады туч рисуются во всем своем величии, показывая, как могуча была сила, разрядившаяся благодатным ливнем.

Но не так ли в жизни и больших людей, создателей больших культурных ценностей?

Великие мыслители, или сердца, творцы науки и искусств, посильно завершив идейный подвиг свой, сошли со сцены жизни.

Их культурное наследие осталось на Земле.

И вот, от «мудрости потомков» и земных преемников, зависит оценить это духовное наследие, или забыть его, исправить, или исказить его.

Казалось бы ничто не в силах повлиять на «Суд Потомков» и, конечно, всего менее сам автор и творец идей, давно сошедший с круга жизни, он как будто высказался до конца.

Но вот, случайно, неожиданно находятя дотоле неизвестные отрывки мыслей их давно скончавшегося автора.

Такие найденные с запозданием строки помогают глубже оценить идейное наследие умерших, шире охватить величие их подвига...

Подобно отдаленным молниям, или зарницам, освещающим громады туч, эти посмертные «зарницы мыслей», освещая темные дотоле стороны идей и творчества их авторов, оправдывают наивысшее внимание к себе биографа и облегчают беспристрастную его оценку.

Такова простая и бесхитростная параллель, невольна возникающая при знакомстве с документом, рассмотрение которого является предметом моей речи: рассмотрение первого, самого раннего наброска будущего главного произведения **Чарльза Дарвина**.

Написанный в Июне 1842 года, т.е. отделяемый от нас **столетием**, этот старейший, первый исторический эскиз «Происхождения Видов» календарно и по содержанию оправдывает тему моей речи.

Но сначала пару слов о внешних обстоятельствах, приведших к обладанию этим документом, ставшим относительно недавно достоянием науки.

Самая история находки этого наброска не чужда известной примеси иронии, которую «старушка человеческой истории» подмешивает так охотно к биографиям больших людей.

Датирован был этот первый очерк Дарвиного «Происхождения Видов» 1842-м годом.

Умер **Дарвин**, как известно, 60 лет тому назад, в Апреле 1882-го года.

Найден был эскиз 14 лет спустя по смерти Дарвина, в 1896-ом году.

Опубликован был этот набросок сыном Дарвина, его любовно-преданным биографом, Френсисом Дарвиным, в 1909 году, т.е. 27 лет спустя по смерти гениального отца его.

Естественно спросить: Где же таилась столько лет означенная рукопись? Где укрывался этот манускрипт долгие **сорок** лет при жизни Дарвина и полтора десятка лет по его смерти?

Где скрывалась эта рукопись в течение более **полвека**?

Мы ответим коротко: **она скрывалась, она пряталась под лестницей в чулане Дарвиного дома в Дауне!**

Пролежав под лестницей, в чулане более полвека этот черновой набросок вновь увидел свет в 1896 году в связи со смертью матери Фрэнсиса Дарвина, вдовы великого ученого.

Лишь радикальная очистка помещений Дарвиного дома, вызванная ликвидацией усадьбы Дарвина, случайно извлекла из потаенного убежища и рукопись 42-го года.

Из изложенного явствует, как неожиданны и необычны были поводы и обстоятельства, содействовавшие нахождению документа.

Смерть вдовы великого ученого; — забывчивость самого Дарвина, столь скардного в отношении бумаги чистой, неисписанной, и столь безжалостно сжигавшего старые рукописи; — ликвидация усадьбы Дарвина, места паломничества мировых ученых; — полное отсутствие мышей и сырости, добротность качества бумаги, пролежавшей более полвека, — все эти причины привели к тому, что уникальный документ, считавшийся погибшим, сделался доступным изучению.

И, однако, чтобы оценить всю неожиданность известия о нахождении этой «потерянной» и «возвращенной» рукописи Дарвина, — припомним вкратце любопытную историю вопроса.

Сущность этого последнего сводилась к следующему двоякому признанию:

Факт былого написания очерка повторно подтверждался самим Дарвиным.
Факт сохранения рукописи оставался спорным и сомнительным.

В этом нетрудно убедиться, если мы припомним ряд высказываний Дарвина.

- a. Так, в своей Автобиографии он говорит, как летом, именно в Июне 1842 года, он впервые «доставил себе удовольствие набросать самый краткий очерк своей Теории карандашом на 35 страницах...» как в течение лета 44-го года этот Очерк разросся до 230 страниц, которые были тщательно переписаны и сохранены.
- b. Подобным образом упоминается об этом кратком Очерке на первых же страницах «Происхождения Видов».

Указав на то, что в 1837 году, он, Дарвин, в первый раз напал на мысль закрепить свои идеи об «изменчивости видов» на бумаге Дарвин говорит, как после пяти лет труда он позволил себе некоторые общие соображения по этому предмету и набросал их на бумаге в виде кратких черновых заметок, как набросок этот разросся в 1944 году в общий Очерк заключений, которые в то время ему казались вероятными...

Из этих двух свидетельств явствует бесспорно *время* написания Очерка 42-го года и его использование для более подробного и тщательного Очерка 44-го года.

Но ни там, ни здесь, ни в Автобиографии, ни в «Происхождении Видов», ничего не говорится о судьбе первого Очерка.

Осталось неизвестным и неустановленным, вошел ли он всецело во второй, чтобы затем быть уничтоженным, или он все же уцелел и после своего использования в качестве брульона.

Хорошо известно, что сын Дарвина, издатель его писем и биограф, Фрэнсис Дарвин, более склонялся к первой версии, как это явствует из примечаний ко второму Тому.

— «Эту запись (т.е. черновой эскиз 42-го года. А.К.) я не мог найти. Вероятно, она была уничтожена, как многие рукописи отца, после того, как она была расширена и еще раз переписана»...

По счастью, Френсис Дарвин ошибался, и считавшаяся им погибшей рукопись была им издана к столетию со дня рождения его отца.

Правда, сохранность документа оказалась только относительной, не столько по причине долгого лежания, сколько по манере и характеру письма: написанная крайне неразборчиво карандашом вся рукопись несет следы большой небрежности и спешки, вызывая больше впечатление беглой мемуарной записи, программы и эскиза будущих работ.

Взятые вместе все эти причины делают многие места эскиза трудными для расшифровки, обстоятельство, побудившее при издании рукописи Фрэнсисом Дарвиным снабдить ее бесчисленными оговорками и комментариями, лишь отчасти облегчающими правильное толкование текста.

Таковы история и облик исторического документа — первого наброска Дарвиного «Происхождения Видов».

Переходим к рассмотрению его фактического содержания.

Едва ли нужно говорить, что ограничиться одним лишь пересказом этого последнего — не отвечало бы задачам, или интересам настоящего собрания.

Вот почему полезно наперед условиться о том, в каком аспекте всего лучше нам построить наше изложение.

Этот аспект рисуется в **тройном** виде, соответственно **трем** основным вопросам, на которые наводит нас само название и время написания Очерка.

Эти вопросы можно сформулировать примерно следующим образом:

- I. Не выявляется ли Очерком 42-го года *время* генезиса эволюционного учения в уме его обоснователя?
- II. Имеется ли разница в воззрениях Дарвина на эволюционную проблему в 1842 году (писания Очерка) и в 1859-м году (Издание «Происхождение Видов»)?
- III. Не проливается ли Очерком 42-го года свет на самые процессы творчества, приведшие великого ученого к его великому учению?

Итак: **Проблема времени, развития и формы творчества** — таков **тройной** аспект, под знаком или в направлении которого мы попытаемся построить наше изложение.

I. Начнем с проблемы **времени**.

Не выявляется ли Очерком 42-го года время генезиса эволюционного учения в уме его обоснователя?

Вопросом этим, как известно, занимались многие биографы великого ученого. Известно также, что итоги этих изысканий оказались спорны и противоречивы.

Правда, что в самом наброске, нас интересующем, нет непосредственных, прямых и новых указаний на какие-либо даты, кроме лишь одной, самого факта написания его в 1842 году, — **пять** лет спустя после того, как Дарвин приступил к писанию заметок по «Изменчивости Видов» в 1837-ом году.

Что же произошло за это время, за означенное пятилетие?

Сказать, что Дарвин все эти пять лет был занят только разработкой и обдумыванием «видовой проблемы» — явным образом противоречило бы фактам: хорошо известно, что как раз за эти первые пять лет по возвращении Дарвина из путешествия, он подготовил для печати целый ряд трудов: «Дневник натуралиста» (1837—39), «Геология и Зоология Бигля», «Наблюдения над Вулканическими Островами» и «Коралловые Рифы» (1839—42).

И только в Мае 1842 года, подписав последний корректурный лист последнего труда к печати, Дарвин на досуге, в первый раз набрасывает на бумаге свои мысли об изменчивости видов.

Правда, что и в 1837 году, и в 1842-ом, многие письма Дарвина и дневники его пестрят заметками о мыслях или материалах по вопросу об изменчивости видов, но и там, и здесь, вы тщетно стали бы искать ответа на вопрос: **Когда** же в первый раз идея эволюции вполне оформилась в уме ее обоснователя: в начале, или только на исходе «Дарвиновской Пятилетки»?

И как то ни странно, — но приблизиться к решению этого вопроса помогает нам одна ошибка, или, правильнее говоря, неточность Дарвина, его повторные, при этом **письменные** указания на 1839-ый год, как время первой письменной фиксации своих воззрений на изменчивость живых существ.

И хотя подлинная дата, — как мы знаем — несколько иная, именно 1842 года, а не 1839-ый, — факт повторного упоминания Дарвиным этой последней даты говорит о том, что к этой именно поре «Теория Происхождения Видов» уже полностью оформилась в его уме.

Но, если так, если идеи Дарвина, его воззрения на эволюционную проблему, явственно определились в первой половине «Дарвиновской Пятилетки», то искать источники этих воззрений в Очерке 42-го года не приходится.

Но почему же все-таки сам Дарвин склонен был датировать кристаллизацию своих идей 39-ым годом? Откуда вообще именно этот год?

Хотя решение этого вопроса и выходит за пределы нашей темы, здесь уместно будет указать на два момента:

Год 1837: Начало обработки материалов, собранных во время путешествия на «Бигле».

Год 1838: Прочтение книги Мальтуса, его известно-злополучных «Опытов о Народноселении»

Первое оформило идеи Дарвина о самом **факте** эволюции.

Второе — о руководящем ее **факторе**: учение о жизненной борьбе и о «Естественном Подборе».

Эта связь между прочтением книги Мальтуса и первым писанным наброском о «Происхождении Видов» замечательна в двух отношениях:

Она показывает, в какой мере в представлении Дарвина **факт** Эволюции неотделим был от раскрытия ее причины: только под влиянием Мальтуса сложилась окончательно для Дарвина его теория «Борьбы за Жизнь», только заручившись мальтусовой книгой Дарвин в первый раз решился закрепить и самую идею эволюции наброском на бумаге.

Эта связь между давно отвергнутой теорией реакционного политико-экономиста и учением Дарвина только доказывает лишний раз, что и «ошибка может быть дорогой к Истине», что путь к последней может быть окольным а не обязательно прямолинейным, в подтверждение глубокой истины, когда-то высказанной величайшим гуманистом, автором «Натана Мудрого»: «Неверно, что кратчайший путь — всегда прямой!»

Но повторяем: На вопрос о том, когда впервые зародилась в уме Дарвина идея эволюции — фактическое содержание Очерка 42-го года ничего не говорит.

II. Мы переходим к рассмотрению **второй** проблемы, связанной с конкретным содержанием интересующего нас эскиза.

Есть ли разница в воззрениях Дарвина на эволюционную проблему в 1842 году (время писания первого эскиза) и 1859-м годом (временем издания «Происхождения Видов»)?

Забегая несколько вперед, отметим здесь же, что существенных отличий в понимании видовой проблемы в этих двух работах, столь неравных по объему и взаимно разделенных временем в 17 лет, — не замечается.

Тем любопытнее отличия по некоторым вопросам частного характера.

Три пункта расхождения в этих двух различных обработках той же темы упомянуты Фрэнсисом Дарвиным и представляются общеизвестными. Сюда относятся:

1. Гораздо большее подчеркивание в Очерке 42-го года роли «Упражнения Органов».
2. Большее признание прямого действия среды.
3. Опускание в Очерке 42-го года (как и в Очерке 44-го года) важного момента: упоминание принципа «Расхождения Признаков», имеющего объяснить возникновение отличий у потомков общего родоначальника стремлением потомков захватить возможно более разнообразные участки в «экономии природы».

Таковы три главные особенности Очерка 42-го года, многократно отмечавшиеся критиками и самим издателем этого Очерка, Фрэнсисом Дарвиным.

Гораздо более существенны для понимания эволюции воззрений Чарльза **Дарвина** другие пункты разбираемого Очерка, отчасти обойденные вниманием критиков. Сюда относятся:

4. Признание только **слабой** изменчивости организмов при естественных условиях.

Такие выражения, как «дикие животные варьируют чрезвычайно мало».. (стр. 28), или «Мы можем допустить, что дикие формы от времени до времени, то тут, то там, варьируют» звучат довольно неожиданно, и в будущем «Происхождении Видов» нам уже не встретятся. Изменчивость на воле диких видов Дарвин при последующей разработке видовой теории будет отстаивать в гораздо более категоричной форме (хотя в меньшей степени, чем его дружеский «соперник» **Уоллес**).

5. Другое более существенное отклонение от того, что нами встретится в «Происхождении Видов» — это многократное упоминание в Очерке 42-го года термина, или понятия «infinitesimale» (стр. 33, 34) в смысле **минимальных** по размерам уклонений.

Хорошо известно, что базирование на таких минуциозных уклонениях, ничтожных по объему а тем самым и по их витальной значимости — много раз инкриминировалось Дарвину сторонниками и противниками Дарвинизма.

Хорошо известно также, что защитники «Происхождения Видов» в свою очередь ссылаются на то, что «бесконечно-малых изменений» Дарвин вовсе не имел в виду, что изменчивость такого рода в книге Дарвина фактически и не приводится.

Не выправь Дарвин этого сомнительного пункта, т.е. сохрани он термин «бесконечно малая изменчивость» в «Происхождении Видов» — и позиция его защитников сложилась бы гораздо менее благоприятно.

6. Следующая особенность, или, вернее, неувязка в изложении обоих текстов — это более категорическое утверждение Дарвиным в эскизе 42-го года **обязательной наследуемости всех** признаков.

Примеры: «Каждая особенность при скрещивании наследуется» (стр. 40), или: «Все вариации, как прирожденные, так и медленно приобретенные.. показывают тенденцию сделаться наследственными» (стр. 26); или: «Каждая часть тела, будь она полезна, или нет (болезнь, махровость) имеет тенденцию передаваться потомству» (стр. 81)¹

В столь безоговорочной, аподиктической форме это утверждение наследуемости **всех** признаков и уклонений мы в «Происхождении Видов» не встречаем. И понятно, почему. В противном случае терялась бы та сложность этого процесса унаследования признаков, та неустойчивость наследования одних и **ненаследования** других вариаций, о которой столько говорится Дарвиным во всех последую-

---

¹ Ссылки на страницы сделаны по Немецкому Изданию: «Die Fundamente Zur Entstehung Der Arten» von **Charles Darwin**. Leipzig & Berlin. 1911.

7. Наконец, последняя особенность, весьма характерная именно для Очерка 42-го года, хотя в меньшей степени присущая и основной работе Дарвина: это особая его настороженность в отношении **нивелирующей роли скрещивания**, убеждение, что свободное скрещивание уничтожает все вариации. (стр. 27).

Хотя впоследствии это фатальное значение скрещивания и будет составлять одно из главных опасений Дарвина, он все же будет склонен признавать лишь **ограниченную** роль такой нивелировки при гибридизации: известно, как в дальнейшем Дарвин сам укажет ряд примеров, когда признаки, особенно возникшие **внезапно, не** сливаются, но сохраняются самостоятельно в потомстве.

Хорошо известно, что подобным указанием Дарвин предвосхитил в своих опытах и наблюдениях одно из основных, важнейших положений современной нам Теории Наследственности.

Таковы **семь** основных особенностей содержания Очерка 42-го года по сравнению с окончательной трактовкой той же темы в будущем «Происхождении Видов».

Еще раз перечисляем их:

1. Бóльшее подчеркивание роли Упражнения и Неупражнения.
2. Бóльшее выдвигание прямого действия среды (Пищи, Света и пр.)
3. Опущение принципа «Расхождения Признаков».
4. Умаление личной изменчивости диких форм.
5. Пользование термином «infinitesimale» (Мельчайших уклонений).
6. Признание всеобщей, абсолютной наследуемости признаков.
7. Переоценка «нивелирующей» роли скрещивания.

И, однако, как ни любопытны эти расхождения в отдельных мыслях Дарвина за время двух десятилетий, — эти разногласия тускнеют перед **изумительным единством взглядов** первого эскизного их изложения в Очерке 42-го года и дефинитивной их кристаллизации в «Происхождении Видов».

Здесь достаточно отметить лишь отдельные примеры этой поразительной тождественности мыслей, разделенных **двадцатью** годами.

Начиная с самого исходного понятия «Изменчивости» и ее причин, можно отметить, что в обоих текстах, и в «Эскизе» и в «Происхождении Видов» мы находим сходное деление изменчивости на два типа, на две категории:

- a. Изменчивость, как следствие **прямого** действия Среды, и
- b. Изменчивость, как результат среды на **воспроизводительную систему**.

И в эскизе, и в «Происхождении Видов» мы находим ту же самую попытку приравнять влияние «прямого действия среды» и «Скрещивания» (стр. 26—43)

И там, и здесь, проводится различие между «Сознательным» и «Бессознательным» Подбором, проводимым человеком (правда, при отличном наименовании в эскизе, говорящем о «систематическом» и «Несистематическом», или о «Планомерном» и «Практическом» Подборе. (Стр. 27—46)

И там, и здесь указывается на малую зависимость **внутренних** органов от произвольного Подбора Человеком.

Столь же ясно выступает перед нами в черновом наброске и ряд следующих положений, хорошо известных из «Происхождения Видов»:

Приурочивание борьбы за жизнь к самым разным стадиям организмов (стр. 33)

Большая жесточенность Естественного Подбора по сравнению с Искусственным (стр. 35).

Учение о «Половом Подборе», и при том в обеих его формах:

- a. Большой мощи, свойственной самцам, и
- b. Большой привлекательности их нарядов. (стр. 35—36).

Очень показателен факт нахождения в черновом наброске ряда специфичных оговорок Дарвина, знакомых нам по окончательной редакции «Происхождения Видов»:

Оговорки относительно проблемы памяти, внимания, души и жизни и других подобных категорий высшего порядка.

Нелюбовь, несклонность Дарвина к теоретическим определениям заметно сказывается и на черновом наброске.

Посвящая целую главу вопросу об **инстинктах** — Дарвин преднамеренно отказывается от словесного его определения.

И также не находим мы словесного определения понятий «раса», «варьетет», повторно характеризующих на основании плодливости или бесплодия их помесей: «Расы» — наследственны, «варьететы» — не наследственны.

Мы видим, таким образом, как ряд фундаментальных тезисов «Происхождения Видов» предвосхищен в первом черновом его наброске и как рано и незыблемо укоренились в уме Дарвина те самые приемы или методы аргументации, которые впоследствии доставят столько беспокойства и хлопот его защитникам и его критикам.

И все же перечисленные до сих пор особенности содержания интересующего нас эскиза не выходят из границ того, что можно было ожидать от всякого труда, давно задуманного и лишь медленно осуществленного.

И оставаясь лишь в пределах сказанного, мы не вышли бы из рамок относительно простых и тривиальных выводов, только доказывающих лишний раз, что «Добрый Плод зреет долго!»

И, однако, для таких элементарных истин можно было бы и не трудиться над штудированием «Очерка»: Ведь даже не читая этого последнего, возможно было бы и наперед сказать, что «кое-чем» он, этот Очерк, вероятно, предвосхитит будущий печатный труд, и «кое-чем» будет заметно отличаться от него.

В действительности дело обстоит совсем иначе и оправданность всей моей речи, моего доклада, будет целиком зависеть от последнего вопроса, к рассмотрению которого мы переходим. Вопрос этот мы сформируем следующим образом:

III. III. — Не проливается ли Очерком 42-го года свет на самые процессы Дарвиного творчества, приведшие к «Происхождению Видов»

Совершенно очевидно, что ответы на означенный вопрос будут звучать по-разному, в зависимости от того, какие требования мы будем предъявлять к его решению.

И в самом деле. **Сорок** лет тому назад, возможно было опираясь лишь о «Путешествие на Бигле» и на «Автобиографию» сказать, что оба эти документа «дают возможность присутствовать при одном из величайших явлений, доступных человеческому наблюдению — при генезисе великого научного открытия в уме его творца».

Но если даже присоединить к указанным двум документам **третий**, хорошо известный уже о ту пору (1887), именно Три тома «Жизни и Писем Дарвина», так пиетично изданных его биографом и сыном

Фрэнсисом, — то все же общая картина творчества великого мыслителя немногим разойдется от общеизвестной схемы, каждому знакомой со студенческой скамьи.

Согласно этой схеме общая картина творчества, или идейного пути, приведшего великого ученого к его великому труду, рисуется нам в следующем виде:

- a. Путешествие на «Бигле» — заронило самую идею **Эволюции**
- b. Прочтение книги Мальтуса — оформило идею об **Естественном Подборе**
- c. Личное знакомство с садоводной и животноводной практикой — дало опору для **Искусственного Подбора**.

Такова та общая канва, на фоне или основании которой столь же схематично представляют себе весь **двадцатилетний труд**, приведший Дарвина от первых черновых «заметок» в 1837 году до окончательного оформления его идей в «Происхождении Видов».

Хорошо известна **фраза**, нам знакомая со школьных лет, что «Дарвин долгие десятки лет собирал факты, предоставляя времени выработать Теорию, которая свяжет их в одно стройное целое».

Но так ли это было и на самом деле?

Чтобы ответить на вопрос, достаточно взглянуть на самую структуру Очерка 42-го года.

С изумлением усматриваем мы, что самая архитектура этого Очерка, порядок и названия глав в общем и целом совпадают с таковыми «Происхождения Видов».

В этом нас наглядно убеждает беглое сравнение отдельных глав обоих текстов (Сходные главы выделены **крупным шрифтом**):

Черновой набросок 42-го года:	«Происхождение Видов» 1859 года.
	Часть 1-ая.
§ 1. — Об изменчивости при одомашнении и о принципах подбора	§ 1. — Изменчивость при одомашнении
§ 2. — Об изменчивости в естественном состоянии и об естественных средствах подбора. /Борьба за существование/	§ 2. — Изменчивость в естественном состоянии.
§ Естественный Подбор	§ 3. — Борьба за существование.
Трудности селекционной теории	4. — Естественный Подбор
§ 3. — Об изменениях Инстинкта и других умственных способностей.	5. — Законы Изменчивости
	6. — Затруднения Теории
	7. — Различные возражения против Теории Естественного подбора
	8. — Инстинкт
	9. — Гибридизм.
	Часть 2-ая.
§ 4-5. — Свидетельства геологии	10. — Несовершенства геологической летописи.
§ 6. — Географическое распространение	11. — Геологическая последовательность организмов.
§ 7. — Родство и классификация	12. — Географическое распространение
§ 8. — Подобие и Сходство типа внутри больших классов.	13. — Взаимное сродство организмов.
	Морфология, Эмбриология.

Черновой набросок 42-го года:	«Происхождение Видов» 1859 года.
§ 9. — Эмбриология. Abortивные органы	Зачаточные органы
§ 10. — Сводка и заключительные выводы.	14. — Краткое повторение и общее заключение.

Перед нами **изумительное**, чтобы ни оказать парадоксальное явление:

За вычетом одного раздела («Гибридизм») все другие главы поражают одинаковым расположением в обоих текстах.

Это раннее предвосхищение самой структуры будущего знаменитого труда в его начальном черновом наброске и является самым значительным и ценным, что вскрывает нам Эскиз 42-го года.

И поскольку в этом утверждении моем я склонен видеть главный тезис моего Доклада — я позволю себе заострить на нем свое внимание.

Исходным пунктом вышеназванного тезиса является элементарное разграничение двух зачастую смешиваемых понятий, именно

Концепции Идеи и ее конкретного обоснования.

И как ни трюистично это разделение, но именно на нем обычно оступалось большинство биографов великих творческих умов, а в частности, и **Чарльза Дарвина.**

Спросите рядового популяризатора идей и жизни Дарвина, «В чем основная ценность „Очерка — 42-го Года“ — и почти наверное ответ опрошенного прозвучит в том смысле, что „Набросок“ этот проливает свет на **время** и на **форму Генезиса** основной идеи Дарвина.»

Но отвечающие так находятся во власти иллюзорной мысли, будто Дарвин **двадцать** лет обдумывал конечный вывод и итоги своего учения.

Ошибочность такого взгляда может почитаться школьной истиной со времени издания Автобиографии и Писем Дарвина.

Достаточно сослаться на то место в Автобиографии, где Дарвин сообщает, что его Теория вполне сложилась уже в 1839 году, т.е. за целые **три** года до писания Очерка 42-г.

Более того. Самого беглого знакомства с «Письмами и Жизнью Дарвина», и в частности с опубликованным Фрэнсисом Дарвиным «Листком из Записной Тетради», или Книжки Дарвина, помеченным 37-ым годом (!) — было бы достаточно, чтобы наглядно убедиться, в какой мере уже о ту пору Дарвин предвосхитил **все главнейшие слагаемые своего учения**, не исключая и «Происхождения Человека».

В этом смысле содержание Очерка 42-го года ничего не прибавляет к нашим знаниям о **времени, когда** впервые в уме Дарвина сложилась гениальная его идея.

И, однако, **овладеть** идеей и конкретно, эмпирически **обосновать** ее, конечно, не одно и то же.

И всю ценность Очерка 42-го Года мы усматриваем в том, что не сама идея эволюции, но формы, методы-пути ее обоснования Дарвиным, впервые получили в этом Очерке свою документацию.

Лишь обладая Очерком 42-го года, можно утверждать, что не одни только программные идеи, но и эмпирическая база всей Теории в широкой мере предвосхищена была за долгие 16 лет до написания «Происхождения Видов».

Таковы наши ответы на вопросы, подлежавшие решению.

Таковы решения проблемы Генезиса, развития и творчества идей, изложенных в «Происхождении Видов» Дарвина в аспекте Очерка 42-го года.

Резюмируя эти ответы, можно сформулировать их следующим образом:

- I. О первом зарождении эволюционных мыслей Дарвина их первый Очерк *ничего* не говорит.
- II. Развитие этих идей за время, отделяющее первый Очерк их в 42-ом году и до «Происхождения Видов» в 59-ом, более коснулось экстенсивности аргументации, чем качественных и принципиальных установок.
- III. Форма Дарвиного творчества, в аспекте разбираемого Очерка вскрывает несравненно больше **дедуктивных** элементов, чем то можно было бы предполагать до нахождения Очерка 42-го года.

И сводя эти три тезиса в одно, возможно утверждать, что **все громадное и гармоническое здание «Происхождения Видов» было в сущности заложено за долгие 16 лет до написания этого труда.**

Вот в каком виде представляются ответы на поставленные нами **три** вопроса и таков ближайший вывод, вытекающий из наших **трех** ответов.

И, однако, если бы я ограничился лишь этим выводом и вздумал бы на нем закончить мой доклад — этот последний рисковал бы оказаться чем-то недосказанным.

Вот почему, в целях придачи моему докладу хотя некоторой завершенности, я попытаюсь сказанное до сих пор о первом Дарвиновом Очерке «Происхождения Видов» вправить в русло более широких выводов и обобщений.

Восстановим еще раз ближайший вывод нашего анализа, разбора первого эскиза, или Очерка «Происхождения Видов»

Вся основа этого труда была заложена за двадцать лет до окончательной его отделки.

Можно без труда предвидеть возражение. Нам скажут:

Можно ли принять такую **дедуктивность** этого труда?

Каким же образом связать такую дедуктивность с существующими взглядами на самую природу творческих процессов и методику научных обобщений?

Мы рассмотрим порознь эти естественные два сомнения.

Начнем с упрека в **дедуктивности**: возможно ли приписывать ее в таком объеме величайшему биологу-индуктивисту?

Но не сам ли Дарвин признается в плодотворности дедукции в своей известной Автобиографии, в том месте, где, упоминая о своей работе над «Коралловыми Рифами» — этом втором сегодняшнем «Юбиларе» (1842—1942), Дарвин говорит:

«Ни один из моих трудов не был предпринят в таком преимущественно дедуктивном направлении, так как вся Теория была мною придумана еще на западном берегу Южной Америки, — когда я не видал еще ни одного настоящего кораллового рифа.»

И, однако, сказанное о происхождении коралловых построек может быть приложено и к «Происхождению Видов»

Вспомним знаменательную фразу Дарвина, которой начинается его Введение в «Происхождение Видов».

Указав, как факты, собранные им во время Путешествия, бросали некоторый свет на происхождение видов, — Дарвин говорит, как после возвращения из путешествия, им овладела мысль, что

— «Чего-нибудь можно, пожалуй, достигнуть, в смысле разрешения вопроса, путем терпеливого собирания и обдумывания различных фактов, имеющих к нему какое-либо отношение..»

Эта фраза — крайне показательна.

Чтобы решить вопрос — нужно заранее осознавать его и направление искомого решения.

Собирание и обдумывание фактов «вообще» и «наобум», безотносительно к тому, что именно имеется в виду решить и доказать — занятие бессмысленное и бесцельное.

Защитнику учения о **постоянстве** видов — незачем особенно трудиться над подбором и обдумыванием фактов, только подтверждающих такое постоянство.

Этот труд оправдан только при условии, что собирание фактов протекает в направлении **идеи эволюции**, уже воспринятой, хотя бы и в несовершенной и эскизной форме, но достаточной, чтобы служить руководящей нитью при подборе фактов, или их оценке.

Говоря иначе: Приступая к составлению своих «Заметок» по проблеме «Вида» (в 1837 году), тем более при писании Очерка 42-го года, **Дарвин** уже был сторонником Теории Изменчивости Видов.

Даже более того.

Вернулся Дарвин в Англию из путешествия с уклоном к эволюционизму, со стремлением не столько убедить **себя** в доказанности эволюционного учения, сколько заставить и **других** уверовать в него.

Отсюда — беглость и эскизность чернового Очерка 42-го года, более напоминающего План «Учебника», чем план, или программу будущих «исканий».

Только в свете этого подхода к пониманию Очерка 42-го года объяснимо и его использование Дарвиным двумя годами позже в более пространным Очерке 44-го года.

Этот последний Очерк, писанный, как сообщает Дарвин, на основе первого эскиза, и при том «на память», в продолжении немногих месяцев, — является уже действительным прообразом «Происхождения Видов» и не только по идее и структуре, но и по наличию в нем всех главнейших доводов и доказательств за единственным лишь исключением «Расхождения Признаков».

И справедливо спрашивает Фрэнсис Дарвин: Как откликнулся бы мир ученых, если бы идеи Дарвина впервые были бы поведаны в той форме, как они сложились в Очерке 44-го, а в сущности — 42-го года?

Уступая окончательной редакции в объеме и по лапидарности, внушительности изложения, этот помеченный 44-ым годом Очерк несомненно превосходит текст «Происхождения Видов» большей свежестью и живостью, большей свободой стиля многих глав, загруженных в последующей обработке.

Как совсем отлична эта вскрытая лишь Очерком 42-го года **подлинная** история создания «Происхождения Видов» от **воображаемой** истории, с которой большинство из нас сроднилось со студенческой скамьи: от представления, будто Дарвин «долгие десятки лет» усердно собирает факты, чтобы предоставить времени создать Теорию, которая их свяжет в одно стройное и гармоническое целое.

Мы видели, что эта «стройность целого» уже наметилась за **двадцать** лет до окончательного написания труда.

И справедливо было бы признать, что, как и многие другие авторы великих мыслей, и Чарльз Дарвин мог бы про себя сказать: Идея, Мысль, Разгадка для меня — ясны. Вопрос лишь в том, как мне фактически обосновать ее не столько для себя, сколько для вразумления ..других!

Нам остается рассмотреть второй и наиболее ответственный вопрос:

Как увязать условия и форму генезиса «Происхождения Видов» с существующими взглядами на генезис научных обобщений, на природу творчества ученого?

Известно, что по этому вопросу, о природе и процессах творчества и о методике научных обобщений, существуют разные воззрения, но что все разнообразие их сводимо к двум весьма различным взглядам.

А. к представлению о «творческой» свободной интуиции, о неожиданном, внезапном «озарении», о «дивинации» типа Платоновского Эроса, или гекзаметров известного стихотворения А. **Толстого**.

В. К отрицанию момента «интуиции» и к разложению его на ряд общеизвестных и простых слагаемых. Сюда относятся: Обостренность внимания, обширность памяти, богатство комбинаций, длительное, целостное размышление.

И поскольку обсуждение «Платоновского Эроса» не может быть предметом нашего анализа, — нам остается беглым образом коснуться лишь второго взгляда, более реального и прозаичного.

Но наперед еще раз сформулируем проблему, подлежащую решению.

Как объяснить, что основные выводы «Происхождения Видов» были полностью осознаны и частью средактированы Дарвиным задолго (именно за двадцать лет!) до напечатания книги?

Отвечая на вопрос, естественно спросить:

Да так ли уникален для истории наук этот пример столь раннего антиципирования выводов задолго до их полного конкретного обоснования?

Здесь достаточно сослаться на признания двух умов, конгениальных автору «Происхождения Видов».

Есть рассказ о том, как **Менделеев**, стоя за своей конторкой за обдумыванием «Периодической Системы» на вопрос:

— «Чем же Вы заняты, Дмитрий Иванович?» ответил с горечью:

— «Все в голове сложилось — а вот выразить Таблицей — не могу!»

Три дня и три ночи проработал **Менделеев**, стоя за своей конторкой, тщетно пытаясь уложить в «таблицы» свои «умственные конструкции».

Наконец, усталый, утомленный до последнего предела **Менделеев** лег и тотчас же заснул.

— «Вижу» — говорит Менделеев — «во сне таблицу, где все элементы расставлены, как нужно. Проснулся, тотчас записал на клочке бумаги, только в одном месте впоследствии оказалась нужной одна поправка..»

Таково свидетельство великого ученого и трезвого ума, всего менее, конечно, склонного к тому, чтобы прислушиваться к «вещим снам».

Дать рациональную разгадку «Менделеевского сна» — нетрудно, если обратиться к величайшему философу Эволюционизма, Автору «Синтетической Философии» — **Герберту Спенсеру**.

Известно, как в один прекрасный день, 6 Января 1858 г. **Спенсер** на листке бумаги набросал план всей своей системы, из расчета **десяти** Томов, для написания которых автору потребовались десятки лет. Каким же образом осуществилось это грандиозное задание?

Послушаем самого **Спенсера**, что он рассказывает сам в своей известной Автобиографии, в которой широчайший ум явился скованным холодной, черствой и многоречивой старостью.

— «Ставить себя перед какой-нибудь проблемой и искать ее решение — было не в моих правилах!»

«Заключения, к которым я приходил, всегда являлись неожиданно, как результат целого строя мыслей, вышедших из одного корня».

Но, однако, сказанное о великом химике и выдающемся философе, всецело приложимо и к великому Биологу, автору «Происхождения Видов».

Внук **Эразма Дарвина** — Творца известной «Зоономии», **Чарльз Дарвин** в молодых годах открыто восхищался этой книгой, предвосхитившей во многом эволюционные его идеи. — И хотя позднее та же Зоономия жестоко разочаровала автора «Происхождения Видов» — отражение ее на содержании последней книги совершенно очевидно.

Более того. Вращаясь с юношеских лет среди людей, причастных к обобщениям в науке, слыша самые восторженные отзывы от своего товарища по Эдинбургскому Университету (Гранта) о **Ламарке**, — юный Дарвин смог еще в студенческие годы быть захвачен эволюционными идеями и это не смотря на то, что по признанию Дарвина, он выслушал эти идеи «с молчаливым удивлением».

И, однако, безразличные в момент произнесения эти похвалы, как признается и сам Дарвин, в состоянии были оказать активное влияние на его позднейшие воззрения.

Из сказанного явствует, что первые зарницы, или проблески эволюционных мыслей Дарвина не поддаются никакому календарному учету.

И одно лишь можно с достоверностью сказать, что при вступлении на палубу прославленного им корабля, **Чарльз Дарвин** был определенно подготовлен для принятия идеи Эволюции и чтением Эразма Дарвина, и восхвалениями **Ламарку**, и учением **Ляйелля** об исторической преемственности изменения земной коры.

Вот почему юному Дарвину было достаточно немногих ярких фактов, дюжины гигантских ископаемых костей и стольких же миниатюрных птичек (обитателей Галапагосского Архипелага..), чтобы эти факты оказались в положении «ферментов», вызвавших кристаллизацию идеи эволюции, дотоле лишь дремавшей в подсознании натуралиста **Бигля**.

То же в отношении использования книги Мальтуса.

Что в том, что ложное по существу учение этого реакционного политико-экономиста ныне полностью отвергнуто.

Когда то, для своей поры Мальтус явился в положении того фермента, без которого все прочие свидетельства и доводы в пользу «борьбы за Жизнь» (аргументы Ляйелля и Де-Кандоля, как и собственные наблюдения Дарвина в Южной Америке..) казались недостаточными..

И как алогически и неожиданно вклинились в сферу Дарвиновых чувств и мыслей то хвалы **Ламарку**, то прочтение Мальтусовой книги, — также алогически — случайно протекало и знакомство молодого Дарвина с бесчисленными фактами, позднее легшими в основу будущей его Теории.

Да и могло ли оно быть иначе?

В пестром хаосе сменялись перед зорким глазом Дарвина бесчисленные факты, собранные им во время путешествия и после возвращения на Родину: Мир ископаемых и современных форм животных, мир структур и красок, мир движения, инстинктов и географических закономерностей...

Случайные и хаотичные, как факты чувственного восприятия — все эти образы являлись умственному взору Дарвина **вне всякого порядка, или соответствия с логической работой мысли, как она сказалась в будущем «Происхождении Видов»**.

В этом хаотичном, «маточном растворе» образов и мыслей скристаллизовались и оформились идеи Дарвина об эволюции живого мира, но слагались эти обобщения также алогически-иррационально, как и эмпирическая их основа.

Факторы и факты эволюции: — «Борьба за жизнь» и учение Ламарка — Эволюция Инстинктов и законы Зоогеографии; — Искусственный Подбор; — «Происхождение Человека»...

Говоря иначе: Главы будущей Теории и закрепившей ее Книги ни в малейшей степени не отвечали плану и порядку мыслей, как они слагались в уме Дарвина при виде этих калейдоскопически сменявшихся идей и образов.

Сказать поэтому, **что** в этом мире эмпирии и воспоминаний, амальгаме фактов и идей, явилось **раньше, что** — позднее, где в истолковании фактов Дарвин шел от общего и целостного к частному, и — где — обратно, от деталей к общему, — сам **Дарвин** вряд ли смог бы в точности ответить.

Опыт ли предшествовал идеи, или же идея — предваряла опыт, рассуждать об этом было бы бесплодно.

В такой мере индуктивные и дедуктивные начала органически сплетались в наблюдениях и мыслях Дарвина во время путешествия на «Бигле» и по возвращении на Родину.

Но этим самым и вопрос о «девинации» в научном творчестве самого Дарвина теряет мнимую свою загадочность.

Понятно, почему.

Как ни казалось бы «внезапным», или «неожиданным» для самого Дарвина такое «озарение» — оно, как можно было бы сказать словами Спенсера, — лишь «результат целого строя мыслей, вышедших из одного Корня».

Только при наличии подобной «целостной концепции», хотя бы и на мозаической основе фактов, объяснимо то удачное использование «счастливых случаев», или «находок», о которых говорят нам биографии великих мастеров-новаторов наук от Галилея и Декарта и до Ньютона и Дарвина.

Известна меткая, крылатая, но недосказанная фраза, брошенная математиком **Лагранжем**:

— «На случай, при великих открытиях наталкиваются те, кто его заслуживают!»

Расшифровывая эту фразу, следует сказать:

Удачно пользуются «случаем» лишь те, умы которых уже были подготовлены к его открытию, умы, которые вибрировали аффективно и созвучно в направлении оценки, бессознательно искали домогались, жаждали этого «случая».

Таков ближайший вывод по вопросу о наличии «интуиции» и дедуктивного начала в творчестве великого «индуктивиста» — **Чарльза Дарвина** и в зарождении его великого труда.

Сказать, **что** в этой сложной амальгаме его творчества — плод **индуктивного** анализа, и где — роль оттеняющей его **дедукции** — *нельзя*, поскольку оба эти элемента, обе эти формы мышления органически увязаны и соучаствовали в грандиозном синтезе.

Но если так, если идеи эволюции оформились в уме и сердце Дарвина за **двадцать** лет до написания «Происхождения Видов», — то откуда столь распространенное воззрение, будто Дарвин 20 лет **обдумывал** свою Теорию, чтобы притти к своим конечным выводам и обобщениям?

Откуда этот взгляд на Дарвина, как убежденного «Индуктивиста»?

Отвечая на вопрос, приходится коснуться одного элементарного разграничения в работе каждого ученого.

Искание новых истин и искание новых прозелитов.

Овладение новой идеей самим автором и овладение ею новыми адептами.

И в самом деле.

Новые идеи, новые Теории, бесспорные для их творцов — увы! — обычно спорны и сомнительны для посторонних.

Доводы, достаточные для их авторов — бывают слишком часто недостаточны для убеждения других.

Но именно для этой цели, убеждения «других» предназначается если не самая фиксация идеи на бумаге, то «литературный шлиф», логическая обличовка, стилистическая обработка каждого научного труда, словесная отделка, от которой многое зависит в отношении **литературного** успеха книги.

И, однако, как при упорядочении квартиры, или учреждения перед приемом посетителей, порядок, наведенный для «гостей» — на пользу и самим хозяевам (содействуя уничтожению «хлама», или нахождению вещей «заложённых»), так и литературная отделка книги, ориентированная на читателя, — полезна и для автора, невольно побуждая его относиться более критически и вдумчиво к подбору фактов и к порядку и достоинству аргументации.

И применяя сказанное к Дарвину, возможно утверждать, что в интересах своего **читателя** и **критика**, а не для убеждения самого себя **Дарвин** десятки лет накапливал бесчисленные факты в подкрепление своих воззрений, **самоочевидных** для него.

И возвращаясь к прежнему сравнению, можно было бы сказать:

Лишь в интересах будущего потребителя, а не для самого себя, **Дарвин** снабдил свое идейное создание десятками и сотнями добавочных аркад, колонн, пилястров, сводов и подпорок, что на эту именно работу и ушли по преимуществу те двадцать лет, что отделяют первые наброски, или абрисы Теории «Происхождения Видов» от редакции печатной книги.

В чем же методологическая и логическая сущность и особенность этой служебной, оформительной, литературной стадии работы каждого ученого?

В ее основе полагается, если так можно выразиться, — некая *Инсценировка*.

В самом деле.

Приступая к письменному изложению своих воззрений, автор книги чувствует себя обычно полностью уверенным в ее бесспорной истине, и цель писания — убедить **других** в этой последней.

И однако, достигается это не тем, что автор письменно воссоздает перед читателем тот путь, или, вернее говоря, те тропы и тропиночки, которыми он сам пришел к своим научным выводам.

Словесно повторять перед читателем весь этот лабиринт тропинок — было бы не только неразумно (за бессилием читателей воспользоваться ими), но и **невозможно** (за бессилием самого автора восстановить со всею точностью эти пути!)

И вот, преследуя по преимуществу задачи **дидактические**, — приобщение других к уже готовой истине, а не искание последней, — авторы невольно прибегают к некоей **инсценировке**.

Инсценируется тот примерный, идеальный, индуктивный Путь, идя которым всего проще можно было бы усвоить предлагаемую истину.

Эта последняя ко времени писания труда уже имеется в готовом виде, или в состоянии, близком к таковому.

Все существенные выводы уже намечены!

Задача автора лишь в том, чтобы самих читателей заставить позабыть об этой априорности готовых выводов и сделать так, чтобы читатель сам, при чтении книги **индуктивно** подошел к конечным выводам.

Короче: **Методическая цель, или задача изложения любой Теории обычно сводится к тому, чтобы читателя заставить индуктивно подойти к заранее готовым выводам.**

И прилагая сказанное к Дарвину, возможно утверждать, что приступая к составлению первого наброска своего «Происхождения Видов» автор совершенно был уверен в истинности «эволюционного учения» и лично для себя ни мало не нуждался в приведении той бездны фактов и цитат, которыми заполнены печатные страницы этой книги.

В этом смысле самый акт писания «Происхождения Видов» есть литературная инсценировка той аргументации, при помощи которой можно всего лучше подвести неискушенного читателя к признанию эволюции.

Но самый путь, который в свое время — **двадцать** с лишним лет до написания книги обусловил зарождение в уме и сердце Дарвина идеи трансформизма — был **совсем иной**, гораздо более аморфный, алогический, окольный, сбивчивый и хаотичный.

Говорить поэтому, что заключительные мысли знаменитой книги и венчающий ее итог слагались лишь в двадцатилетнем творческом процессе — значило бы смешивать две совершенно разные задачи, два совсем различных фазиса процесса творчества:

- I. Фазу искания новой истины, новой идеи самим автором на базе индуктивных доводов и дедуктивной мотивации, в порядке комплексного размышления и целостной концепции, и
- II. Фазу излагания вновь добытой идеи перед форумом науки, стадии литературной обработки и логического «шлифа», в форме, наиболее пригодной для внедрения теории в науку, но совсем не отражающей пути и корни генезиса, или оформления теории в уме самого автора.

И в этом смысле вся **двадцатилетняя** логическая и литературная отделка Дарвиновой книги не дает нам ни малейшего понятия о зарождении, росте, темпах, или фазисах ее былого зарождения.

Конечно, арсенал научных доводов печатной книги и ее двух предварительных набросков — **несравнимы**, как и лапидарность стиля и аргументации готовой книги после **четырёхкратной** облицовки.

И на нем — работникам и деятелям Высшей Школы, отрицать элементарнейшую истину тысячелетней традиционной давности: «Docentes-discimus», — «Уча других, мы учимся и сами!»

И, однако, как подробнейшие курсы лекций, 40 лет тому назад прослушанные мною в этой Аудитории, мне ничего не говорили о путях научного искания и творчества моих учителей- профессоров **Мензбира, Сушкина**, или **Кольцова**, — так и самое подробное штудирование «Происхождения Видов» ничего не говорит о том, чтобы итоги этого труда слагались так длительно, как создание этой книги.

И один лишь черновой ее эскиз 42-го года, — этот первый абрис будущего гениального труда, так долго почитавшийся погибшим и случайно уцелевший, только этот черновой набросок раскрывает нам если не подлинную точную картину Дарвиного творчества, то **несомненную ошибочность** его обычного истолкования.

Ни «Автобиография», ни «Путешествие на Бигле», ни Трехтомник «Жизни и Писем **Дарвина**» не высказали нам того, что выдал нам сегодняшний наш «Юбиляр», — этот «потерянный» и «возвращенный» Очерк, первый исторический предтеча величайшего труда великого ученого.

И подводя итог всему, что было сказано об этом Очерке, уместно еще раз напомнить основной руководящий тезис настоящего Доклада:

Все громадное и гармоническое здание «Происхождения Видов» было предвосхищено тем первым очерком, при том не только в отношении конечных выводов, но и по самой сущности структуры и аргументации.

И возвращаясь к прежнему сравнению, можно было бы сказать:

За двадцать лет до появления «Происхождения Видов» и до освящения этого идейно-целостного здания **готовы** были и его фундамент, и главнейшие из его стен, и купол, и фасад и надпись на фронте здания.

Что это так — достаточно напомнить заключительную фразу, так достойно завершающую этот гениальный труд и нам знакомую со школьных лет:

— «Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь в ее различных проявлениях была вдохнута первоначально в одну, или ограниченное число форм. И между тем, как наша Планета продолжает описывать в пространстве свой путь согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала возникли несметные формы, изумительно совершенные и прекрасные и продолжают возникать.»

Этот проникнутый высоким пафосом аккорд, которым завершается последняя глава «Происхождения Видов», слишком хорошо известен.

Менее известно, что в почти такой же форме эта патетическая фраза включает также предварительный эскиз 44-го года.

Еще менее известно — ибо выяснилось только после нахождения затерянной в чулане рукописи — что в почти буквально сходной форме этой фразой завершается и первый черновой эскиз 42-го года, т.е. за 16 лет до написания окончательной редакции «Происхождения Видов».

Более того. Сын Дарвина, его любовно-преданный биограф Френсис, заверяет, что руководящая идея этой величавой фразы, предопределяющей весь смысл и конечный вывод этого труда, — восходит еще далее назад, до небольшой Заметки, оказавшейся в одной из записных тетрадей, или книжек Дарвина, — заметки, писанной в 1837 году, т.е. за **двадцать** с лишним лет до появления «Происхождения Видов».

Возвращаясь еще раз к нашей любимой аналогии, возможно было бы сказать, что самым давним элементом грандиозно-гармонической постройки, именуемой «**Происхождение Видов**», — представляется... **фронтон и надпись на фасаде здания**, что вся двадцатилетняя работа Дарвина сводилась собственно к тому, чтобы бесчисленными сваями, колоннами, аркадами, пилястрами упрочить, подпереть уже готовый купол здания и фронтон, украшенный уже готовой надписью.

И вот, охватывая общим взглядом все, что было сказано о первом черновом наброске величавшего творения **Чарльза Дарвина**, невольно обращаешься еще раз к этой надписи, столь величавой и созвучной творчеству великого ученого.

Припомним еще раз эту излюбленную им идею, эту мысль **Дарвина**, звучащую одновременно и пророческой прелюдией для его творчества, и лейтмотивом его жизненного подвига, и заключительным аккордом величавого его творения:

Перефразируя слова этой «фронтонной» надписи, нам хочется сказать:

— «Да, есть величие в этом **призвании**, при котором жизнь вдохнула вещую идею в ум и сердце молодого Дарвина и в продолжении целого полвека пронесла подобно пламенеющему факелу до просветленной старости.»

«И между тем, как жизнь великого мыслителя давно угасла а завещанные им идеи продолжали развиваться, следуя неизменным законам роста и развития человеческого общества, — из этой глубочайшей но простой, как все великое, идеи Эволюции рождались, возникали новые открытия, новые мысли, новые идеи, изумительно совершенные и прекрасные и ..продолжают возникать...».